

Т.Н. Кондратьева
Тюменский университет

Кое-что о том, как создавался учебник по истории Средних веков для школ (1934 год)

«История – это политика, опрокинутая в прошлое». Известно, что эта фраза была произнесена в марте 1928 г. М.Н. Покровским, главным (в должностном смысле) пост-революционным историком СССР. М.Н. Покровский не только старался сделать эту максиму центральной политической установкой членов Общества историков-марксистов, но и навсегда изгнать историю из преподавания, подменив вульгарными социологическими схемами, названными тогда «обществоведением». Однако потребность вернуть историю в школы и снабдить учителей соответствующей учебной и методической литературой постепенно становилась очевидной и насущной. Школьные и вузовские учебники, как свидетельствуют декларации 1920 – начала 1930-х гг. и сегодняшние начальственные директивы по поводу «фальсификаций», воспринимаются руководством страны как важные инструменты в настоящей, текущей политике. Для политической элиты, особенно неприкрыто стремящейся к увековечению, история выступает как источник дополнительной легитимации. Все предшествующие события, поставленные в некую последовательность, призваны просто демонстрировать закономерность появления «прогрессивного», «счастливого», «стабильного», «модернизационного» (дискурсы в соответствии со вкусами могут различаться) настоящего.

Задача написания по-марксистски правильных учебников была директивно сформулирована 5 сентября 1931 г. в постановлении ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе»¹. Еще раньше в обществе историков-марксистов констатировали: ««Ни школы второй степени, ни Рабфаки не имеют до сих пор хорошего марксистско-ленинского учебника...»². 12 февраля 1933 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об учебниках в начальной и средней школе», в котором прямо поставил задачу издания «стабильных учебников, рассчитанных на применение их в течение большого ряда лет»³. Тогда же в недрах Народного Комиссариата просвещения заработала комиссия по учебникам истории. Эта комиссия, в частности, признала уже представленный учебник А.И. Гукковского и О.В. Трахтенберга «История эпохи феодализма» неподготовленным, приняла решение привлечь для его переработки «специалистов старой школы» и поручила «т.т. Ванагу, Б. Граве, А. Панкратовой и В. Бернадскому написать учебник по истории России и истории СССР»⁴.

В течение года ситуация с учебниками практически не менялась. В марте 1934 г. Политбюро ЦК ВКП (б) как минимум дважды касалось проблемы преподавания истории и школьных учебников. Ответственным по их написанию был назначен тогдашний нарком просвещения А.С. Бубнов⁵.

На заседании в Наркомпросе от 8 марта 1934 г. А.С. Бубнов, услышав опасения ортодоксальных марксистов из Коммунистической академии Н.М. Лукина, А.М. Панкратовой, Н.Н. Ванага,

Тамара Николаевна Кондратьева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов – история российской средневековой истории первой половины XX в. E-mail: ktamara1960@yandex.ru

- 1 Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства о народном образовании. Сб. док. за 1917–1947 гг. Вып. 1. М., 1947.
- 2 О положении и задачах на фронте исторической науки. (Резолюция, принятая на объединенном заседании ячейки ВКП (б) Института Истории ЛОКА и Фракции Ленинградского Общества Историков-Марксистов от 5 Февраля 1931 г.) // Европа: междунар. альманах. Вып. IV. Тюмень, 2004. С. 206; См. также: Тезисы фракции Совета Общества историков – марксистов «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период». Приняты 6 февраля 1931 г. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф.227. Оп. 2. Ед. Хр.1. Л.8.
- 3 Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства о народном образовании. С.167-168.
- 4 Артизов А.Н. Николай Николаевич Ванаг (1899-1937) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 103.
- 5 Пихоя Р.Г. Востребованная времен история. Отечественная историческая наука в 20-30-е гг. XX в. // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 48 – 49.

что в новые учебники могут попасть классово-чуждые факты и персонажи, раздраженно заявил: «Генриха IV-го или папу Григория VII-го, что вы выкидываете, это самое? Почему это не взять? У вас как папа, как царь - так в шею! Мы достаточно этим персонам надавали в шею, чтобы для марксистского воспитания их соответствующим образом использовать. Это можно сделать. У вас до сих пор есть такой атавизм. Мы живём, слава тебе, господи, долго. Октябрьская революция на громадной дистанции от нас. Надо всё-таки уметь мыслить в соответствии с эпохой. У нас вторая пятилетка – вот такая у нас эпоха! Надо же понять! Все понятия имеют способность меняться. Целый ряд весьма одиозных понятий как «папа», «царь» мы в интересах коммунизма можем поставить на службу пролетарской диктатуре»⁶. На следующем заседании в Наркомпросе 13 марта 1934 г. красные профессора⁷ решительно возражали против старого деления истории на древнюю, среднюю и новую⁸. 20 марта 1934 г. прошло заседание Политбюро ЦК ВКП (б), на котором присутствовали историки. На нем И.В. Сталин без всяких обиняков заявил, что «нужны учебники с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники древнего мира, средних веков, нового времени, история СССР, история колониальных и угнетённых народов»⁹. 22 марта 1934 г. в Наркомпросе историки уже обсуждали хронологические границы «важнейших исторических периодов - древней, средней и новой истории».¹⁰

29 марта 1934 г. были утверждены авторские группы по написанию учебников. Руководителем группы по созданию учебника по Средним векам был назначен Е.А. Косминский¹¹. Е.А. Косминский позиционировал себя как марксист, но был учеником Д.М. Петрушевского, долгое время работал в составе секции средневековой истории Института истории РАНИОН, где марксизму иногда приносили некую ритуальную дань, но не более того¹².

Надо сказать, что члены Общества историков-марксистов и красные профессора встречали перемены без восторга, но были вынуждены мириться с новыми реалиями¹³. В мае 1934 г. появилось знаменитое постановление, восстанавливающее преподавание гражданской истории «с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности». Прежний «схематизм» был осужден. Отвлекаясь, заметим, что ему на смену придет другой, снабженный односторонне подобранными фактами и освещенный цитатами из мертвых и живых классиков

6 Цит. по: А.М. Дубровский. От проблем исторического образования к новому облику исторической науки <http://opentextnn.ru/history/historiografy/?id=2991>

7 Институт красной профессуры влился в Комакадемию, как известно, еще в 1930 г. См. подробнее: Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921 – 1938 годы) // <http://knowledge.isras.ru/sj/sj/94-1-7.html>. С. 21 – 22.

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же.

11 Артизов А.Н. Николай Николаевич Ванаг. С. 104.

12 См. подробнее: Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Западноевропейское средневековье в Институте Истории РАНИОН (по материалам ГАРФ) // Европа: междунар. альманах. Вып. VII. Тюмень, 2007. С. 67 – 83. Сам Д.М. Петрушевский ценит исключительно профессионализм и компетенцию. Недавно нам посчастливилось случайно наткнуться на его телеграмму в защиту отказанным в допуске к защите диссертаций И.С. Макарова, Л.В. Черепнина и В.И. Шункова, адресованную Президиуму РАНИОН, где он среди прочего писал, что они «выполнили свой учебный план и признаны тем не менее выбывшими из Института (а не окончившими его) в виду того, что они не марксисты, т.е. лишены права предоставить диссертацию. Я считаю такое постановление Коллегии о названных аспирантах неправильным, не опирающимся ни на какой параграф Устава Института истории и несправедливым. Аспиранты эти прекрасно работали во время пребывания своего в Институте. Я особенно хорошо знаком с тем, как работали С.И. Макаров и Л.В. Черепнин, своими исследованиями в области хозяйственной и социальной истории Московской Руси, создавшие себе уже некоторую научную известность, и лишать их права предоставить в свое время – теперь уж почти готовые диссертации, которые могут служить лишь к украшению Института, мне представляется нецелесообразным. Мне кажется, что лишение названных аспирантов права предоставления диссертации представляет и некоторое неудобство, вызовет излишние нарекания и неудовольствия. Было бы, мне кажется, удобнее не срывать дела так резко, предоставить названным аспирантам право предоставить диссертации и защитить их и уже после этого вынести приговор об их педагогической и научной с марксистской точки зрения годности.

Действительный член и Директор Научно-Исследовательского

Института Истории (Д. Петрушевский)

Москва, 4-го июня 1929 г.»

См.: Архив РАН, Ф. Ф. 359, оп. 1, ед. хр. 22. Протоколы заседаний комиссии по учету академической успеваемости аспирантов Института Истории РАНИОН. Л. 107 – 108. Имеются сама телеграмма и рукописный текст, написанный самим Д.М. Петрушевским.

13 См. например, доклад Г.С. Зайделя, сделанный в Институте Истории Ленинградского отделения Комакадемии. Заседание Института истории ЛОКА по основным задачам историков от 15.04.1934 г. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 227. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1 – 44.

марксизма. В развитие постановления было подтверждено решение организовать 5 групп историков, которые уже к июлю 1935 г. должны были подготовить учебники по «Истории древнего мира», «истории средних веков», «новой истории», «истории СССР», «новой истории зависимых и колониальных стран»¹⁴.

Проблема написания школьных учебников по отечественной истории нашла отражение в литературе. Вопрос об учебнике по средневековой истории остается открытым. В начале 1934 г. огромным по тем временам тиражом в 350 тыс. экземпляров вышел в свет учебник «История эпохи феодализма» для 6-го и 7-го классов средних школ, написанный А.И. Гуковским и О.А. Трахтенбергом. На 250 страницах он повествовал об истории Европы и России, начиная с «разложения рабовладельческого строя» в Римской империи до конца XVIII в. Ответственными редакторами учебника были последователи М.Н. Покровского В.И. Лебедев и Н.Н. Розенталь. Это была странная книга. Она повествовала школьнику об абстрактных субстанциях, которые хронологически следовали друг за другом. Там было много «эксплуатации», «классовой борьбы», «крестьянства», «феодализма», но едва ли наберется три десятка имен исторических персонажей и событий. Любопытно, что учебник оказался неплохо иллюстрированным. Видимо, педагогу и ученику самим приходилось устанавливать неуловимую связь между отвлеченным текстом и выразительными картинками¹⁵.

В данной работе я намерена остановиться на заседании комиссии по преподаванию истории, состоявшемся 1 июня 1934 г. в Институте истории Комкадемии. Заседание проходило под председательством А.М. Панкратовой и было посвящено обсуждению конспекта учебника по средневековью для средней школы. Ход обсуждения и позиции сторон могут быть восстановлены благодаря хранящейся в архиве РАН стенограмме. Стенограмма представляет из себя машинописный текст, сделанный (видимо, с рукописи) 5 июня 1934 г.¹⁶

Основными докладчиками были Е.А. Косминский, выступление которого занимает почти половину текста стенограммы, и А.И. Гуковский. Конспект учебника Е.А. Косминского составлял 13 страниц, более «размашистый» конспект А.И. Гуковского – 23 страницы¹⁷. Медиевист составил конспект учебника, охватывающий исторический период от поздней античности до середины XV в., красный профессор – от Великих географических открытий до начала XVIII в. Сначала Е.А. Косминский изложил свое представление об общих принципах построения учебника. Будущий академик был озабочен тем, как сконструировать учебник, чтобы учащиеся седьмого класса (т.е. 14 – 15-летние дети) сумели освоить разнородный, богатый и сложный материал по средневековой истории. Здесь авторы учебника и школьные преподаватели, по его словам, неизбежно сталкиваются с рядом проблем. Во-первых, на все Средние века, куда в 1934 г. краткосрочно отнесли европейскую историю XVII в., программа отводила 100 часов¹⁸. По его замечанию, – фактически 90 ча-

14 Из постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. В Совнарком Союз ССР и ЦК ВКП(б) // К изучению истории: Сборник. Б.м., 1937. С. 18, 20.

15 Гуковский А.И., О.В. Трахтенберг. История эпохи феодализма. Учебник для 6-го и 7-го классов средней школы. Изд. 2-е. М.: Учпедгиз, 1934. Отметим, что учебник сразу же подвергся критике. См.: Сергеев С., Косминский Е., Сухов И., Липатова О. Рец. на кн.: А. Гуковский и О. Трахтенберг История. Эпоха феодализма. М., 1934. // Борьба классов. 1934. № 5 – 6. С. 116 – 119.

16 Архив РАН. Ф. 359, оп. 1, ед. хр. 278. Стенограмма заседаний Комиссии по преподаванию истории и по докладу Косминского Е.А. и содокладу Гуковского А.И. 92 л.

17 Там же. Л. 14 – 15.

18 Несколько позже в «Средние века» ненадолго «включат» и XVIII в. По этому поводу известный русский медиевист Н.П. Грацианский горько шутит: «...оказывается теперь приказано считать и именовать Средними веками весь период времени с падения Рим(ской) Империи до Вел(икой) Фр(анцузской) революции. Это, очевидно, компенсация за те гонения, которые ср(едние) в(ека) испытали». Цит. по: Иванов Ю.Ф. Профессор Н.П. Грацианский // <http://www.odysseus.msk.ru/authors/?id=73>; Приведем ниже документ, показывающий как страх перед партийными установками деформировал сознание ученых. Документ датирован 1938 г. и адресован заместителю начальника управления высшей школы Наркомпроса РСФСР А.Ф. Шишкину. «21 июня 1938 г.

Т. Шишкину

Редакция педагогики полагает, что периодизация курса истории педагогики не может не соответствовать периодизации, данной товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым в замечаниях о конспекте учебника «Новой истории».

Курс должен быть расположен по такой схеме:

Часть первая. История педагогики древнего мира.

Часть вторая. История педагогики средних веков.

Отдел 1. От VI в. до эпохи Возрождения

Отдел 2. От эпохи Возрождения до Французской революции 1789 г.

Часть 3. История педагогики нового времени.

Отдел 1. От Французской буржуазной революции конца XVIII в. до Парижской коммуны.

сов, поскольку 10 часов неизбежно будет потрачено на дополнительные занятия. Во-вторых, весь курс нужно структурировать по определенному количеству уроков, каждый из которых должен представлять «собой нечто цельное», «известную стержневую тему». В-третьих, разделы учебника и уроки не должны представлять для учащегося чрезмерную трудность¹⁹. Е.А. Косминский рассчитывал, что общий листаж учебника займет 15 печатных листов, дополненных 2 п. л. карт и рисунков. Учебник должен быть снабжен терминологическим словарем и именованным указателем. На усвоение «его» части будет отпущено 68 часов, или 55 уроков. Предполагалось давать биографические характеристики исторических деятелей, но исключить выдержки из источников²⁰. Е.А. Косминский считал возможным в будущем дополнить учебник хрестоматией²¹.

Дабы облегчить восприятие «столь далекого от современности материала», Е.А. Косминский предлагал насытить учебник и уроки иллюстративным материалом²². Он не стал огульно ругать прежний схематизм, заявив о необходимости найти здоровый баланс между конкретикой и неизбежным в дидактике социологизмом. «Учебник, - говорил медиевист, - не должен догматически навязывать учащимся определенных социологических схем..., тот или иной вывод социологического характера должен непосредственно вытекать из того фактического материала, который дан в данном учебнике». Но нельзя и просто из «пресной воды общих рассуждений... переходить в бесплодную суть фактов». Факты и даты должны «подводить учащегося к марксистскому пониманию истории... Отрицать возможность обобщенных характеристик значило бы во всяком случае принижать качество учебника... Несомненно, надо будет давать какую-то типическую обобщенную характеристику». Также, по его словам, необходимо найти композиционный баланс между хронологической подачей материала по странам и внутренней структурой разделов, в которых группируется материал²³.

Структура учебника, подчеркивал Е.А. Косминский, должна основываться на «материалистическом понимании истории», т.е. повествование начинать следует с экономики, с производства и производственных отношений²⁴. Обращаясь непосредственно к структуре написанного им конспекта, он признается, что его учебник получается похожим на дореволюционные учебники П.Г. Виноградова и Р.Ю. Виппера²⁵. Вот характерный диалог: Косминский - Первая глава посвящена вопросам завоевания Римской империи германцами, о Византии и арабах. Шаблонное начало - правда?

С места - По Випперу.

Косминский - И у Виноградова тоже самое...²⁶

Действительно, излагаемая докладчиком дальше структура учебника мало, чем отличалась от дореволюционных аналогов.

Выступление А.И. Гуковского было менее пространным. Красный профессор стремился примирить новые политические установки на хронологическое написание учебников по странам со старыми пристрастиями к схемам. Он заявил, что у авторов этой части конспекта был тройкий вы-

Отдел. 2. От 1871 г. до 1918 г.

Отдел 3. Период послевоенного империализма (от конца 1918 г. до современности).

История педагогики, тесно связанная с историей культуры, не может иметь какой-то особой периодизации, оторванной от общенациональной исторической. Французская буржуазная революция 1789 г. создала глубокий перелом в истории педагогики и в истории школы (она заложила основы буржуазной школьной системы). Именно отсюда должна поэтому начинаться история педагогики нового времени. Программа по курсу истории педагогики и преподавание в педвузах ориентируются именно на эту схему...

Внутренняя логика самого материала требует, таким образом, «остановки» именно на французской революции. Нужно отметить, что доведение 1 тома до Фихте (в предыдущем издании) совершенно случайно. Сейчас безусловно необходимо эту политическую и научную ошибку исправить.

Зав. Ред педагогики Бокич

Ст. редактор Фрумов».

См.: ГАРФ. Ф.8080. Оп.1. ед. хр. 285 Отзывы на учебники за 1938 г. Л. 53 - 53 об.

19 Архив Рян. Ф. 359, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 5 - 7, 23.

20 Там же. Л. 27, 32, 34 - 37.

21 Л. 37. Замысел в дальнейшем был реализован. См.: Хрестоматия по истории средних веков. Пособие для преподавателей средней школы. Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1938-1939. Т.1-2.

22 Там же. Л. 8.

23 Там же. Л. 8 - 11.

24 Там же. Л. 13.

25 Там же. Л. 16 - 17. См. например: Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Ч. 1. / Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1896; Виппер Р.Ю. Учебник истории. Средние века. Рига, 1925.

26 Архив Рян. Ф. 359. Оп. 1. Ед. хр. 278. Л. 17

бор: «Или пойти просто по странам от начала до конца, беря страну в пределах данных хронологических веков, или пойти по противоположному принципу, взять за темы глав такие социологические темы, как, допустим, первоначальное накопление капитала, реформация, контрреформация, возрождение, гуманизм. Или пойти по срединному пути, который мы и взяли за основу. Мы взяли в основу историю отдельных стран, но локализуя на той или иной стране, даем обобщения. Допустим там, где речь идет об Англии, мы привлекаем материал, который наиболее полно изображает картину огораживания, первоначального накопления и делаем соответствующее обобщение. Там, где мы говорим об Италии, Испании, мы разворачиваем картину контрреформации, затем мы говорим о реформаторском движении в Германии и делаем обобщение о реформаторском движении Европы в целом»²⁷. Стремление к типологии сыграло с авторами злую шутку, ибо к отдельным странам им пришлось возвращаться несколько раз. Более того, историю одних стран давать в одном разделе вместе с другими. Особенно в этом отношении не повезло Англии, одна глава о которой была посвящена Тюдорам и ранним Стюартам, вторая – Английской революции, третья – Англии и Нидерландам в конце XVII в. На это неудобство тут же обратили внимание выступающие²⁸. А.И. Гуковский отвечал в том смысле, что они старались «давать материал синхронически», и если не «перемежать» английскую историю с французской (а обе страны соперничали в Европе), то она останется непонятна ученику²⁹.

После выступления докладчиков началось обсуждение. Самой заметной оказалась речь близкой к красным профессорам М.В. Нечкиной. По мнению М.В. Нечкиной, конкретный материал учебника призван играть вспомогательную роль. Факты должны были быть простой иллюстрацией марксистских социологических выкладок. «Я думаю, что постановление и директивные указания, которые нам даны, отнюдь не указывают на необходимость исключения этих терминов («феодальное государство», «разложение общины» – Т.К.), а указывают на необходимость очень умелой их подачи в конкретном материале с тем условием, чтобы сначала была конкретика, сначала были конкретные факты, а затем, на основе поданного материала, могли быть употреблены термины вроде «феодального государства» и т.д.»³⁰. Изложение Е.А. Косминского вызвало у нее совершенно определенные тревожные коннотации, а именно: напомнило ей гимназическую юность. «Первое и основное... Меня чрезвычайно пугает сходство с Виппером... Когда читаешь перечисление, там страшно много знакомых по старой школе пунктов...»³¹. В экономических разделах учебника, подчеркивает она, следует говорить – пусть даже на 125 страницах! – «о феодальной эксплуатации..., как феодальное общество эксплуатирует трудящегося, где она видны?». Она вопрошает: «Где у вас тот же самый феодальный крестьянин, где у вас ремесленник? И никакие указания на то, что политическая история должна быть дана, не могут быть поняты в том смысле, что не надо внутренней истории, не надо эксплуатации, живой картины того, как один класс эксплуатирует другой и как это исторически развивается»³². Она настаивает, чтобы такие термины как «классовая борьба» и «эксплуатация» были вынесены в название рубрик³³.

Подбор исторических персонажей кажется М.В. Нечкиной случайным и неподдающимся запоминанию. Предлагаемый Е.А. Косминским портретный ряд также напомнил ей дореволюционные учебники, в которых было несколько пап по имени Урбан. Ей удавалось их сохранять в памяти, только добавляя к имени какую-то «дополнительную» букву. Так у нее появился легко запоминающийся папа «Чурбан». Она настаивает на том, что в учебнике необходимо оставить только знаковые персонажи, например, Людовика XI, с которым ассоциируется начало французского абсолютизма. Место случайных деятелей (к ним она отнесла знаменитых пап Григория VII и Иннокентия III) должно быть отдано лидерам антифеодальной борьбы³⁴.

Сомнение в возможности советского школьника усвоить и запомнить весь предлагаемый Е.А. Косминским и А.И. Гуковским материал выразил П.Д. Герих. На вопрос из зала: «Почему?».

27 Там же. Л. 38.

28 Там же. Л. 47.

29 Там же. Л. 47 – 48.

30 Там же. Л. 51.

31 Там же. Л. 49.

32 Там же. Л. 52 – 54.

33 Там же. Л. 54.

34 Там же. Л. 55 – 57.

он простодушно ответил: «Потому что раньше языков много изучали. Все это память развивало, учили... А главным образом у них (гимназистов – Т.К.) соответствующая обстановка была, а у наших ребят соответствующей обстановки нет. Жилищные условия такие... Это надо иметь в виду». Он предложил отказаться от обилия фактов и имен, т.е. «упростить» учебник³⁵.

М.А. Зиновьев полагал, что во имя решения дидактических задач учебник следует строить по схематическому, или «типическому» принципу, снабдив его живыми описаниями средневековой жизни. Типология, по его словам, должна вырастать из фактов и примеров. Он ссылаясь на Евгения Онегина, который, как он считал, являлся одновременно и «обобщающим типом», и «живым» персонажем. По его мнению, учащиеся советских школ усваивают программу не хуже российских гимназистов. Отдельные трудности вызывают только темы, не имеющие современных аналогов. Он упоминает историю церкви и реформационных движений³⁶.

Известный медиевист А.Д. Удальцов считал, что учебник распадается не на две, а на три части: «до IX в. примерно, затем XI – XV вв., а затем XV – XVI столетия». Отметим, что эти три части чуть позже станут именоваться ранним, классическим и поздним средневековьем. На его взгляд, построены части по разному принципу и между ними нет единства. Первая часть целиком состоит из обобщений, вторая часть построена по странам, но есть и главы, посвященные типичным явлениям – Великие географические открытия, например, и третья часть, где повествование ведется по странам, но даны они «дробно» и «вперемешку». Наиболее обоснованным ему представляется построение второй части³⁷.

Выступающая следом Богусанская, учитель из села Богородское, «обслуживающая, - по ее выражению, ребят завода «Красный Богатырь», сочла необходимым возразить П.Д. Гериху относительно развития детей в советской школе. На его взгляд, «культурный уровень ребят теперь гораздо шире». И хотя Богусанская «не работала в царской школе», она видела, что у ее школьников, которым не хватало «начитанности», наличествует «пытливое мышление, в отличие от ребят царской школы, которые воспринимали механически... Мышление у них особенное и если дать им исторический процесс, они, конечно, гораздо лучше запомнят, чем ребята царской гимназии». По ее мнению, для преподавания нужны не только яркие факты и картины, но и «обобщения». «Социологизм – это не марксизм, но голые факты – это тоже не марксизм». Она настаивает на том, чтобы авторы писали для детей доступным языком. «Надо обязательно отшлифовать учебник. Когда читаешь Гукковского, иногда трудно понять – что он хотел сказать. Читаешь одну страницу, читаешь раз, два, три. Я дома иногда сама пробую прочесть и выяснить, что автор хотел сказать, и это очень трудно»³⁸.

Мнение П.Д. Гериха о невозможности для школьника за год усвоить весь материал по Средним векам поддержал Д.Н. Никифоров. Он предложил преподавать, как это было в дореволюционной школе, историю от Великого переселения народов до конца XV в. в течение года. «А то, что раньше называлось новой историей, должно быть дано в следующем году... Нельзя в один и тот же год... дать и Великое переселение народов, и германцев, и реформацию, и 30-летнюю войну, и революцию в Англии. Это совершенно невыносимо. Поэтому я думаю, что нам надо будет настоятельно предложить разделить на два года обучения, иначе ребята не усвоят это». Кроме того, он полагал, что весь материал учебника должен быть подчинен некоей одной (увы, не названной им) идее»³⁹.

Н.Н. Ванаг призвал присутствующих не бояться перегрузить учебники и того, что дети не смогут усвоить материал. Он сказал, что раньше в учебниках конкретика заменялась социологической «словесностью»⁴⁰.

С заключительным словом выступил Е.А. Косминский, который возражал М.В. Нечкиной и постоянно перебивавшему его Н.Н. Ванагу. Он отметил, что в его конспекте учебника присутствуют «экономика» и «эксплоатация», в значительном количестве. Там есть «эта марксистская схема.., она уже обратила на себя внимание». На вопрос Н.Н. Ванага не оправдывается ли автор, Е.А. Косминский ответил: «Я лично не оправдываюсь... В учебнике своем буду проводить в основном

35 Там же. Л. 58 – 61.

36 Там же. Л. 64 – 66.

37 Там же. Л. 67 – 70.

38 Там же. Л. 71 – 74.

39 Там же. Л. 75 – 78.

40 Там же. Л. 79 – 81.

твердую марксистско-ленинскую основную линию в своем понимании. Я на это указывал, что как бы ни подавать факты, но марксистско-ленинская социология, постановка совершенно определенных проблем должна пронизывать все изложение... Я принужден еще раз сказать, что через мое изложение проходит совершенно определенная марксистско-ленинская система, что вопросы экономики я достаточно осветил»⁴¹. Далее он отметил, что участие в составлении конспекта принимали разные люди и что между ними есть разногласия. У него, например, есть «расхождения с тем построением, которое давалось здесь для истории XVI и XVII вв.». Ему представлялось, что если не перегружать уроки, то обширный материал учебника можно будет уложить в год. За основу следует взять понимание типологии, изложенное М.А. Зиновьевым. Руководитель группы не находил количество исторических деятелей, выведенных в учебнике, чрезмерным⁴².

Подведем итог. Заседание показало, что в составлении конспекта учебника и его обсуждении приняли участие две группы историков, стоящих на сильно отличающихся позициях. Е.А. Косминский в значительной степени опирался на собственный гимназический опыт и воспроизводил структуру, уже опробованную в дореволюционных школьных пособиях. При этом он стремился соединить традицию старой школы с марксизмом середины 1930-х гг. Другой подход демонстрировали красные профессора, признающие за конкретикой лишь функцию иллюстрирования схематизма и марксистского социологического вокабулярия.

Обсуждаемый в 1934 г. учебник увидел свет в 1936 г. Его авторами были Е.А. Косминский, А.И. Гуковский и О.В. Трахтенберг. Он состоял, как это рекомендовал сделать в ходе обсуждения А.Д. Удальцов из трех частей: первая (отдельный томик) в 101 страницу предназначалась для 6-го класса и охватывала историю государств с IV по XI вв., а также историю крестовых походов XII-XIII вв. Вторая и третья части (отдельный том в 274 страницы) повествовала о европейских государствах XI – XV вв. (2 часть) и о конце Средних веков и переходе к Новому времени (3 часть, XVI – XVII вв.). В первой части некоторое место было отдано арабам, во второй – турецкому завоеванию и падению Византии. Учебник содержал большое количество имен, событий и стремился показать специфические черты истории отдельных стран. Были в учебнике и типологические главы. Авторы и Наркомпрос прислушались к мнению участников совещания, и курс давался в школе в течение полутора лет. Однако в учебнике не оказалось обещанного Е.А. Косминским в ходе обсуждения терминологического словаря и именного указателя. К сожалению, на учебнике не проставлен тираж⁴³.

Следующий учебник для школы Е.А. Косминский подготовил уже самостоятельно⁴⁴. Эта книга получила немало хвалебных отзывов и затем несколько раз переиздавалась⁴⁵.

SUMMARY

In the article of dr. Tamara Kondratieva "Something on how the school corpus book on Middle Age had been creating (1934)" deals with the discussion about the structure and content of school corpus book on Middle Age.

41 Там же. Л. 82 – 84, 85.

42 Там же. Л. 86 – 90.

43 Косминский Е.А., Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. История Средних веков: учеб. для неполн. ср. и ср. шк. М.: Учпедгиз, 1936.

44 История Средних веков / Под ред. Е.А. Косминского: учеб. для 6-7 кл. ср. шк. М.: Учпедгиз, 1940. Вначале тиражом в 150 экземпляров был на хорошей бумаге, в качественном переплете и выразительными иллюстрациями был издан макет, который позже пошел в серию.

45 См. библиографию трудов Е.А. Косминского: Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков. М., 1963. С. 442.